

На правах рукописи

ГАЕВСКАЯ Надежда Зеноновна

**ЮРОДСТВО
КАК ФЕНОМЕН ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Специальность 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

Иваново – 2026

Работа выполнена на кафедре культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: **БЕДИНА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,**
доктор культурологии, доцент, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», профессор кафедры культурологии и религиоведения

Официальные оппоненты: **ГУРИН СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ,**
доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры философии и методологии науки;
ИЛЬИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
кандидат философских наук, ГАОУ ВО «Альметьевский государственный технологический университет “Высшая школа нефти”», доцент школы экономики и междисциплинарных исследований

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный институт культуры»**

Защита диссертации состоится 18 июня 2026 года в _____ часов на заседании Диссертационного совета 24.2.301.01 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 155908, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, д. 24, ауд. 220.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37/7, корпус № 1, к. 108, и на официальном сайте университета: <http://ivanovo.ac.ru>

Автореферат разослан: «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии

Е.Н. Шашнева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Одной из важных проблем современной культурологии является проблема сохранения национальной культуры и ее развитие в условиях изменения общественного сознания в XXI веке. Современная культура характеризуется дефинициями предела — это «время-пост», время на границе, время концептов неизвестности, когда актуализированы проблемы постмодернизма, постсекулярности, постчеловека, а общественное сознание характеризуется неопределенностью, кризисностью, ростом аллеаторности. Время испытывает человека, пытающегося увидеть и услышать будущее, обрести смысловые координаты. Меняются психологические свойства личности, отмечается увеличение информационных ресурсов и развитие когнитивных способностей. Формируются такие формы сознания, как информационное, медиа, виртуальное. В культуре актуализируется поиск механизмов, способствующих обретению опор существования человека в условиях роста рисков. Тематизируется этот процесс в контексте современной ситуации, в аспекте вопросов цивилизационного выживания. В этих условиях актуализируется задача поиска путей становления и выявления смыслов культурного феномена, его сущности и значения в культуре.

В современных культурологических исследованиях представлены различные варианты решения данной задачи. Такие процессы как восприятие и понимание феномена в новых условиях ставят перед культурологией вопросы изучения процесса архивирования сведений о феномене в традиции, ситуативного отбора, рассмотрения феномена в аксиологической парадигме, определения дискурсивных возможностей. Феномен рассматривается в контексте культурной традиции как системы смыслов, объединяющей субъектов в коммуникативном взаимодействии. При этом полагается, что значительная часть феноменальных смыслов имеет социальную природу, однако интенции, скрывающиеся в каждом конкретном смысле, в восприятии каждого конкретного субъекта могут быть глубоко индивидуальными. В основе феноменологических исследований культурных и религиозных феноменов, культа и культуры также лежат положения, опирающиеся на аксиоматичное убеждение в неотмирной природе религии и ее значении как смыслополагающего начала жизни человека.

Вековой культурный опыт хранит и передает нашим современникам способы духовного охранения, обретения устойчивости и личностного самосознания, образует генеративный горизонт для всей сферы самоосуществления человека. Православная культура, являясь одним из способов организации общества, в основе которого лежит христианское мировоззрение и культ, сосредоточена на поиске смысла как индивидуального человеческого бытия, так и человеческой истории. Ключевое понятие православной культуры — личность, обладающая творческой способностью и свободой. «Христианство впервые сделало природу (в том числе природу самого человека) предметом для

преобразующей свободной воли. <...> Свобода стала фактором повседневной жизни, что положило начало бурному росту культуры и цивилизации» (Энциклопедический словарь по культурологии, 1997). Христианство, распространяясь в I в. н.э. сначала на территории Иудеи и средиземноморской диаспоры, становится духовным основанием христианской культуры.

Русская культура, являясь частью христианской цивилизации, выстраивает свою ценностную парадигму на основе христианских (православных) ценностей. В основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г., говорится: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. *Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию*» (п. 1.6).

Опыт православного подвижничества, являясь средоточием национального духовного пути и идеалом народной жизни, дает, по словам Г.П. Федотова, ключ к пониманию явлений русской культуры. В трудах В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, И.В. Кондакова, С.С. Аверинцева представлено глубочайшее постижение духовной традиции русской культуры. В основе традиции идеалы русского религиозного подвижничества: аскеза, смирение и кротость, милостыня и покаяние, духовное странничество и богоискательство, когда в унижении и кротости раскрывается «самая глубокая печать русской святости — образ униженного Христа» (Г.П. Федотов). Культурология соединяется с религиозной философией в утверждении познания истины в религиозном переживании. Н.А. Бердяев пишет, что для постижения России и русской культуры нужно применить добродетели веры, надежды и любви. Знание, которое зиждется на полном единстве всех духовных сил, безмятежность внутренней цельности духа, связь любви и сочувствия — духовные координаты культуры. Феномен религиозного подвига понимается как освящающий саму жизнь, вносящий литургическое измерение в фактичность повседневного бытия, в русский культурный код.

Современные культурологические исследования способствуют осмыслению подвижничества как религиозного феномена, раскрывающего существенные свойства православной культуры, выявляя интенции, вводящие феномен в реальность. В феноменах (греч. φαινόμενον, явление, данное в чувственном созерцании, «ясном переживании») сущность и интенции культуры становятся доступны для научного рассмотрения. Как пишет Т.Г. Человенко, «религиозный феномен можно рассматривать и как то, что дает возможность познания “сущего в себе”, когда, познавая явление в его внешних характеристиках, мы имеем некоторое приближение к постижению, “схватыванию” сущего. <...> Российская традиция тесно связана с

острейшими смысложизненными проблемами, с осознанием специфики русского духа, а также трагических духовно-нравственных судеб всей человеческой цивилизации. Религиозный феномен приобретает здесь совсем некантовское основание, «стремясь к абсолютной основе всех религиозных явлений»». Интенция феномена подвижничества — направленность к пределу, постижению границы иного, к подвигу как акту преодоления. Феномен подвижничества имеет исследовательскую перспективу в связи с православным характером русской культуры, «эсхатологический реализм» (В.П. Океанский) которой определяют ее аксиологию.

Обращение к феномену юродства связано с актуальностью данного религиозного типа для понимания истории русской культуры и современных культурных процессов. Юродство есть подвиг предельный, характеристики духовного преодоления стали свойствами национального характера и вошли как ценностные свойства в культурно-ментальную матрицу.

Юродство — вид подвижничества, тип религиозного поведения, культурная форма, содержанием которой становится подвиг мнимого безумия. Это телесная аскеза, молитва и уничижение как практика сознательного снижения личного социального статуса и стигматизации. Феноменологический подход позволяет рассматривать юродство как проповедь, акт социальной интеракции, актуальной презентации «бытия» человека, раскрываемой перед лицом другого и воспринимаемой, переживаемой другим. Очень часто проповедь юродивого звучит как пророчество, призванное удержать ближних от падения. В русской истории известны имена юродивых Василия Блаженного, Николы Салоса Псковского, Исаакия Печерского, Георгия Шенкурского, Прокопия Устюжского и многих других. Культурная миссия юродства как нравственной проповеди осуществляется и в нашей повседневной жизни. Соотносясь с культурным кодом русской культуры, проповедь направлена на выявление аксиологического искажения в социально-культурной действительности. Культурная практика юродства как подвижничества воспринимается в современной русской культуре как поле сохранения традиции и трансляции в современность основных свойств христианской культуры в их предельной реализации, придавая таким образом этим свойствам эпистемологическую достоверность.

Степень научной разработанности проблемы. Обзор исследований феномена юродства выстроен по хронологическому принципу и демонстрирует необходимость междисциплинарного подхода к проблеме.

В XIX в. начинаются научные исследования феномена в связи с развитием исторической науки и исследований агиографии. Надо отметить, что XIX век можно характеризовать как время роста интереса к русской истории, внимания к академическим изысканиям как в светской науке, так и в богословской. В связи с этим в XIX в. в Российской империи созданы и действовали многочисленные научные и просветительские общества: «Общество любителей древней письменности» (ОЛДП), «Общество изучения русского языка и словесности» (ОИРЯС) и другие. Эти общества выпускали

объемные материалы по итогам деятельности, так называемые чтения, в которых публиковались рукописи, первоисточники и их исследования. Так, Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук (ОРЯС) выпустило издание жития Авраамия Смоленского. Изданы Записки Московского археологического института с публикацией материалов о блаженных Василии и Иоанне Христа ради Московских чудотворцах, «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» (ЧОЛДП) печатает работу М. Усердова о житии Георгия Шенкурского. Одним из исследователей, оказавших влияние на становление научного подхода к изучению феномена юродства, стал В.О. Ключевский, опубликовавший в 1871 г. работу «Древнерусские жития святых как исторический источник».

Русская научная традиция исследования феномена юродства в XIX в. объединяет два направления. Одно из направлений основано на изучении христианского подвижничества в контексте богословских трудов свят. Феофана Затворника, Тихона Задонского, Паисия Величковского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадского. Здесь надо отметить важность исследования аскетических практик, для чего в 1846 г. в Санкт-Петербургской духовной академии был введен курс аскетического богословия. Тема подвига юродства также отражена в сочинениях духовных писателей — П. Сладкопевцева «О святых юродивых Христа ради» (1860) и Е. Тихомирова «Юродивые Христа ради и их благотворная для общества деятельность» (1884).

Второе направление — исследование подвижничества на основе философско-исторических исследований религиозности и христианской культуры известных российских ученых университетской среды С. Зарина, П. Пономарева, С. Смирнова, А. Соловьева, В. Экземплярского, Г. Острогорского, П. Безобразова. Интересны также исследования М.М. Тареева, посвященные кенозису подвижничества.

Обобщающими эти два направления и на их основе созданы труды прот. Иоанна Ковалевского «Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви» (1895) и иеромонаха Алексия (Кузнецова) «Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование» (1912).

Здесь мы находим описание юродства как аскетической практики, христианского подвига, который придал религиозный смысл национальной идее и способствовал становлению ментальности русской культуры. Эти работы позволяют увидеть юродство как древнюю традицию подвижничества и как высоко организованную антропологическую практику, которая хранит уникальный культурный опыт. Надо отметить, что в литературе второй половины XIX в. присутствовал и критический взгляд на феномен юродства, высказанный в работах писателей социал-демократического толка И. Прыжова, В. Лаврова. Необходимо также назвать очерки и небольшие работы о собственно юродстве, написанные с апологетических позиций: И. Кологривова, Е. Беленсон.

Надо отметить специфику этих исследований и их методологии, сохранившиеся по отношению к исследуемому предмету до сегодняшнего дня. Методологической основой философско-исторических исследований оставалась святоотеческая традиция и внимание к роли феномена в русской культуре, что нашло поддержку в русской религиозной философии начала XX в. В этом отношении показательны работы Г.П. Федотова, посвященные истории русского православного подвижничества, которая определяется автором как ключ к поиску откровения национального духовного пути, а также к пониманию явлений секулярной культуры. В работе «Святые Древней Руси» отдельную главу Г.П. Федотов посвящает опыту юродства как сверхдолжному подвигу, подвигу уничижения и уподобления Христу.

К подвигу юродства в контексте христианской культуры обращаются Е. Трубецкой в работе «Иное царство и его искатели в русской народной сказке» (1922) и И. Ильин в работе «Аксиомы религиозного опыта» (1953). «Детские души <...> жаждущие приблизиться к праведности и преклониться перед святостью Божьего Угодника. Это исповедание есть порождение любви», — говорит о юродстве И. Ильин, подчеркивая, что путь к пониманию юродства лежит через изучение личной религиозности, личных актов веры.

В XX в. научные исследования феномена юродства значительно расширились тематически. С одной стороны, осмысление юродства продолжено в работах еп. Каллиста (Уэра) и творчески воспринято русской культурологической школой. Здесь получает развитие мысль о том, что святость, являясь смысловым наполнением феномена православного подвижничества, проявляет не только онтологические характеристики последнего, но и онтологию предела как границы иного, раскрывая таким образом полноту личности святого. «Сила моя совершается в немощи. <...> Мученичество юрода — это не муки крови, а сокровенное мученичество совести и сердца. Юрод спасает ближних <...> самым способом своей жизни», — пишет еп. Каллист (Уэр).

С другой стороны, исследовательский интерес к феномену юродства активно проявляет филологическая наука, представленная работами отдела древнерусской литературы Пушкинского дома (РАН): историко-культурологическим исследованием Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.Ю. Понырско «Смех в Древней Руси» (1976) — и института славяноведения и балканистики (РАН): монографиями С.А. Иванова «Византийское юродство» (1994) и «Блаженные похабы» (2005).

Одним из аспектов проблемы исследования феномена юродства стал этимологический анализ происхождения термина «юродство», во внутренней форме которого раскрывается и сущность самого феномена. Русская школа семиотики в решении этих вопросов обратилась к проблеме языка, языкового пространства как по форме, так и по содержанию. В целом, семиотические исследования связаны с «лингвистическим поворотом», способствующим переносу лингвистических, по своей природе, подходов и понятий в круг гуманитарных исследований. В русской семиотике особое место занимают

разработки, опирающиеся на труды Д.С. Лихачева, который впервые в исследовании древнерусской литературы и агиографии сформулировал понятие «этикетных образцов», открыв дорогу исследованиям топосов, в том числе в изучении топики юродства (Т.В. Руди и др.).

Современная научная ситуация в исследованиях юродства как культурного феномена характеризуется междисциплинарностью, обращением к контекстуальному подходу и попытками использования вариативной методологии. В центре внимания проблемы культурного генезиса и определение значения культурного феномена, как вошедшего в культурно-ментальную матрицу.

В 1990-е гг. юродство осмысляется в работах Т.М. Горичевой «Православие и постмодернизм» (1991), Т.А. Недоспасовой «Русское юродство XI–XVI веков» (1997). В 2006 г. вышла в свет монография И.В. Мотеюнайте «Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков», затем феноменологическое исследование Н.Н. Ростовской «Человек обратной перспективы» (2010) и религиоведческое исследование С. Воронковой «Юродство как транскультурный религиозный феномен» (2011). В работе А.Н. Ильина «Онтологический смысл юродства» (2013) предпринята попытка выявить природу религиозного и нерелигиозного юродства. С.П. Гурин в серии статей 2019–2023 гг. делает исторический критический обзор избранных сочинений, посвященных исследованию феномена юродства, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современной литературой. Можно также назвать исторические и антропологические работы Р.А. Наумова, Л.Б. Сукиной, о. А. Шантаева, о. С. Романцова, Е.В. Грудевой, Ю.А. Разинова и А.Н. Атяскиной и др. В исследовательской литературе также имеет место критический подход А.И. Клибанова, И.У. Будовница.

Представленный обзор позволяет сделать вывод, что в основе изучения юродства принцип исследования религии, культуры и личности как целостных сопряженных явлений, невозможный вне исторического и богословского контекстов. Специфика юродства как культурного феномена исследователями представляется как аскетическая практика. Утверждается мысль о том, что уподобление становится основным культурным механизмом формирования феномена юродства и направленности юродства на окружающих, на человека. Таким образом, происходит редукция юродства к поведению как набору приемов, которые подвижник использует в благочестивых целях проповеди. В согласии с христианской традицией юродство определяется как мнимое безумие и характеризуется такими выражениями, как: «мнимое безумие, притворное безумие, представиться безумным, представиться лишенным разума, принять вид безумного человека, личина глупости, творяще ся юрод». Традиция подчеркивает сознательность и душевное здоровье юродивых. Основания подвига возводятся к призывам апостола Павла быть безумным в веке сем, чтобы быть мудрым (1 Кор. 1:18; 1:21; 1:25; 3:18–19; 4:10).

Таким образом, **научная проблема** диссертационного исследования состоит в разработке актуального феноменологического подхода, дополняющего историко-философский и филолого-культурологический подходы к феномену юродства, позволяющего увидеть, как выраженный в тексте культуры религиозный феномен воспринимается, переживается в момент встречи с ним и воспроизводится в культурных формах, как соотносится религиозный опыт подвижничества с социокультурным бытием.

Объект исследования — культурно-религиозный феномен юродства.

Предмет исследования — генезис феномена юродства и формы его репрезентации в текстах православной культуры.

Цель исследования — выявление генезиса феномена юродства и форм его репрезентации в текстах православной культуры, обуславливающих его рецепцию и воспроизведение в культурных формах.

Для достижения указанной цели необходимо решение комплекса **задач**:

1) на материале нарративных источников как текстов культуры определить сущность и проследить генезис религиозного феномена юродства и его утверждение в русской культуре;

2) установить соотношение между понятиями «мотив» и «топос» как форм репрезентации феномена юродства в текстах культуры;

3) изучить культурную топику юродства, выявить ее основные характеристики и соотнести с мотивной сферой подвига;

4) выявить механизмы осмысления религиозного содержания феномена и формы его воспроизведения в русской культуре;

5) описать ключевые мотивы, составляющие смысловое ядро культурно-религиозного феномена юродства в русской культуре.

Хронологические рамки исследования определяются в соответствии с вектором исследовательского внимания, сосредоточенного, прежде всего, на русской культуре, рассматриваемой в контексте общей христианской культуры. Хронологические рамки включают: период становления и развития феномена юродства в русской культуре X–XIII вв.; период актуализации феномена в Средневековье в XIV–XVII вв.; XVIII–XX вв. — период нового времени, когда феномен воспроизводится в новых культурных формах.

Источниковой базой для исследования стали тексты культуры: византийской и древнерусской — агиографические тексты, летописи; нового времени — публицистика, дневники, воспоминания и мемуары; а также богословские труды и исторические исследования, посвященные христианскому (православному) подвижничеству.

Теоретико-методологические основания исследования. Для понимания сущности религиозного феномена, включенного в бытие культуры, методологическое значение имел тезис петербургской гуманитарной школы (Д.К. Богатырев) о сосуществовании культуры и религии как комплекса коммуникативных отношений радикальной трансценденции, когда религия становится абсолютным измерением

культуры. Характер взаимодействия культуры и культа неслиянно-нераздельный. При этом религия — результат творческих усилий человека, в том числе и когнитивных. Современные дискуссии вокруг природы религиозности, связанные с проблемой в описании и интерпретации религиозных феноменов, предполагают новое понимание «внутренних» состояний сознания, ментальных репрезентаций и самого «я». Категория опыта становится важным фактором личностно-ориентированной теории рецепции, где феномен и опыт не рассматриваются как взаимоисключающие категории. Христианское подвижничество сообщает особый внутренний аутентичный опыт, обогащая таким образом смысловое пространство культуры. В подвиге культура наполняется бытийственностью, становится личностна. Глубинный бытийный потенциал подвига юродства в культуре становится предметом культурологического осмысления, через выявление форм репрезентации и характера рецепции раскрывает свое значение в пространстве смыслов: от уничиженности и нищеты до онтологической наготы и ничтожества, открывая таким образом перспективу бытийного возрастания человека. Сфера мотивов и топосов вторична по отношению к подвигу и является порождением свидетельства о подвиге, чем объясняется глубокое воздействие подвижничества на облик и склад культуры, в частности, русской.

Феноменологический подход позволяет исследовать феномен юродства, выявляя формы его репрезентации и рецепции. Концептуализация сознания становится основой феноменологического подхода, в котором мир и сознание взаимосвязаны, не имея смысла друг без друга. Переживание явления, встреча с явлением — это не только восприятие этого явления, но обусловленная культурой реакция, в которой проявляется ценностно-смысловая матрица «Я».

В этом контексте методологическое значение для настоящего исследования имеет герменевтика С.С. Аверинцева, одним из основных постулатов которой стало утверждение о том, что встреча и общение не исключительная привилегия социума, они онтологичны. Сужение онтологии общения фиксируется заменой Слова (зовущего отклик) на Текст (ожидающий интерпретации). Феноменологический подход позволяет через Текст вновь обратиться к Слову как Событию.

Методологической основой исследования выступает также текстовый подход к культуре, разработанный М.Ю. Лотманом, в соответствии с которым культура мыслится как текст, а сам текст понимается семиотически. В связи с этим *семиотический метод* использован для изучения внутренних системных связей в текстах культуры, в которых репрезентирован феномен юродства. Исследование сосредоточено на изучении смыслового пространства и процессов трансформации смыслов в семиотических парах смерть-жизнь, греховное-праведное. Выявление топологической и мотивной структуры не только в нарративных текстах, но и как форм репрезентации культурно-религиозного феномена, также основывается на текстовом подходе к культуре.

Методы исследования. Поскольку в данном исследовательском поле по отношению к объекту исследования сочетаются интересы разных дисциплин, методология данного исследования имеет комплексный характер:

Историко-философский метод по отношению к подвижничеству позволяет анализировать становление и развитие подвига юродства в православии и русской культуре, определить смысловое пространство феномена юродства в философском дискурсе, позволяет исследовать агиографические источники (жития юродивых) в системе христианских символов и смыслов.

Применение *структурно-функционального метода* по отношению к религиозным феноменам позволяет выявить, как усваивается и воспроизводится христианский архетип в традиции православного подвижничества.

Применение *топологического метода*, обоснованного исследованиями топологии юродства как формы репрезентации феномена, позволяет осмыслить индивидуальный религиозный опыт как феномен культуры.

Автор руководствуется также принципами сравнительной филологии (*семиотический, топологический анализ*), методом *этимологического анализа*, восходящим к творчеству о. Павла Флоренского, *герменевтическим методом*, разрабатываемым применительно к русской культуре и ее истокам С.С. Аверинцевым, *структурно-семиотическим методом* В.Н. Топорова, учением о дуальной модели русской культуры Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского.

Научная новизна диссертационного исследования. В рамках исследования:

1) Определена мотивная структура, составляющая содержание феномена юродства, включающая мотивы уличения, смерти и греха. Показана обратная перспектива как механизм изменения мотивной сферы, определяющая бинарную смену смысловой парадигмы и формирование смыслов покаяния, жизни и блага, а также выявлено их воспроизведение в культуре в форме социально-культурных мотивов.

2) Исследована топика юродства и выявлен тематический комплекс топосов, в поле значений которых происходит репрезентация феномена юродства.

3) Исследован мотив уличения как культурный паттерн, способ обнажения греха в коммуникации с юродивым, обращенной к цели духовно-нравственного становления человека.

4) Выявлены способы проявления танатологических смыслов и непосредственно мотива памяти смертной в подвиге юродства, такими способами определены память и памятование, в которых подвижник осуществляет бытийное стремление к преодолению смерти, к духовной целостности и осмыслению жизни личности во временной парадигме православной культуры.

5) Обоснован тезис о том, что в православной традиции, наряду с библейскими топосами, формируется топос юродства, основанный на

принципе *Imitatio* (подражание юродивому), в процессе культурной трансляции становящийся социально-культурным топосом.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно позволяет выявить комплексы социально-культурных мотивов, в которых репрезентируется феномен юродства, и способы трансляции религиозно-этических смыслов в культурное пространство, в культурно-ментальную матрицу русской культуры. Результаты исследования могут быть использованы при изучении других религиозных феноменов в системе культуры.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена тем, что они могут применяться при чтении историко-культурных дисциплин и спецкурсов по истории и феноменологии русского подвижничества, культурологии, русской философии.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Диссертация отвечает таким областям исследования по заявленной специальности 5.10.1 — Теория и история культуры, искусства (культурология), как: 7. Культура и культ. Теология культуры; 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; 12. Взаимоотношение глобального и локального в культурном развитии. Менталитет и глобалитет культуры; 13. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре и истории; 18. Культурно-историческая память и культурное наследие; 22. Религия как феномен культуры; 37. Личность и культура. Индивидуальные ценности. Творческая индивидуальность.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлялась на заседаниях кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», на научных и научно-практических конференциях разного уровня:

– ежегодных международных чтениях «Свято-Троицкие чтения» (Санкт-Петербург, РХГА, 2016, 2019, 2022),

– международной конференции «Гуманитарное знание и ответы на вызовы XXI века: когнитивно-дискурсивные стратегии» (Москва, 2019),

– ежегодном международном агиографическом семинаре «Агиография в пространстве времени и культуры» (Великий Новгород, 2023),

– всероссийской научной конференции «Уваровские чтения — XII» (Муром, 2024),

– международной научно-практической конференции «XXX Шешуковские чтения. Подвиг и подвижничество в русской литературе. К 80-летию Победы» (Москва, 2025),

– всероссийской научной конференции «Комплексный подход в исследовании истории русского православия» (Череповец, 2025) и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен юродства понимается как подвиг и подвижничество, основания которого проявляются в диалектике общего и уникального, определяющей место и роль подвига в социокультурном бытии. Эта диалектика находит выражение в опыте подвижника, внешнем и внутреннем, онтологической установке предельности и преодоления. Определение юродства как подвижничества отражает духовно-нравственные смыслы в содержании феномена, ставшие свойствами культурно-ментальной матрицы русской культуры, выявляя в ней такие интенции, как направленность к подвигу как акту преодоления. Подвиг осмысливается как символическая культурная форма, соотносящаяся с конечными условиями существования. Смысловое пространство феномена «юродство» позволяет интерпретировать его через такие коннотации, как смирение, покаяние, нищетолюбие, странничество.

2. Мотивы и топосы понимаются как формы репрезентации феномена в текстах культуры. Применительно к культурным процессам, мы трактуем топос как категорию, обозначающую типичную культурную ситуацию, в которой является нам феномен. Содержание топоса представлено системой культурных мотивов. В ходе исследования описаны следующие культурные топосы, оформившиеся в ранний период истории юродства, как формы репрезентации феномена русской православной культуры: «*Imitatio Cristi*», жертва, духовное испытание, видение, покаяние.

3. Основные мотивы, в которых репрезентируется феномен юродства, — это мотивы смерти и греха, что в механизмах обратной перспективы встречи и нравственного воздействия юродивого проявляются в смысловой парадигме жизни и блага. Во встрече с юродивым человек обретает в памяти смертной духовные силы к преодолению трагической предопределенности. Тематизация феномена юродства происходит в смысловом пространстве христианского подвига, являющегося ключевым для понимания феномена в культуре, говорящего об уникальном культурном статусе юродивого.

4. Мотив памятования, основанный на фундаментальном механизме памяти, репрезентирует эсхатологическое содержание феномена юродства, в памятовании подвижник осуществляет бытийное стремление к преодолению смерти. В памятовании меняются темпоральные характеристики личности, осуществляется выход из временного круга повседневности. В памятовании открывается человеку пространство духовной энергии и возрождения в переживании памяти смертной и перспектива, открывающая пути «снижения танатологического напряжения действительности».

5. Мотив уличения в рецепции феномена юродства становится способом обнажения греха. На русской культурной почве наибольшее развитие получает вариант юродства, цель которого — нравственное воздействие, осуществляемое путем гротескного, абсурдного поведения в миру, в социальном бытии. Юродивый (в контакте, взаимодействии, общении) приводит человека к особому переживанию нравственного «беспокойства» и внутренней трансформации, осознанию негативных характеристик поведения и мысли, что в пространстве христианской

культуры определяется как грех. Мотив уличения, утверждаясь в социокультурном бытии, определяет такие культуурообразующие свойства русской культуры, как обращение к предельным нравственным вопросам, готовность к подвигу как разрешению сверхличностной задачи.

6. В русской культуре сформировался топос, репрезентирующий феномен юродства, основанный на принципе *Imitatio*, — топос подражания юродивому, в процессах культурной трансляции становящийся социально-культурным топосом, хранящим информацию о паттернах поведения, значениях и смыслах феномена юродства в культуре в целом. В комплекс топики юродства входит мотивная сфера, которая может пониматься как часть культурной топики. Мотивная структура топоса юродства состоит из аксиологических, темпоральных, стигматизационных и танатологических рядов, отражающих ведущие смыслы православной культуры: жертвенности, самоуничтожения, смирения, вечности и памяти смертной.

Структура диссертационного исследования определена его целью, задачами и логикой изложения. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 6 параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 225 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение обосновывает актуальность темы, определяет степень ее разработанности, определяет объект изучения, указывает цель, задачи и методологические основы исследования, уточняет круг источников, предоставляет краткую историю изучения вопроса, отмечает новизну работы, ее теоретическую и практическую значимость, перечисляет положения, выносимые на защиту. Во введении отмечается, что православная культура понимается не только как культура определенного региона и периода, но и как комплекс содержательно-смысловой, состоящий из системы культурных форм, отраженный в пространстве феноменального и являющийся мировоззренческой основой нашей цивилизации, а духовное содержание культурной традиции становится той основой, которая задает алгоритм раскрытия смысла феномену культуры, проходящему сквозь каналы репрезентации.

Первая глава «Характеристика юродства как культурно-религиозного феномена» посвящена изучению истоков юродства как культурного явления, его феноменологии, генезису этого явления в начальный период развития православной культуры.

В первом параграфе «Понятие юродства, происхождение и культурный контекст» рассматриваются варианты понятия юродство в истории культуры и в современном научном дискурсе. Делается вывод о развитии понимания юродства в процессе развития культуры. Уточняется, что юродство как изначальная, в определенном смысле, онтологическая характеристика христианства с развитием культуры становится видом православного подвижничества, определяет его смысловой вектор как «ради Христа» и культурный механизм подобия. Юродство как вид

подвижничества понимается как феномен, представляющий собой определенный способ мышления и поведения, транслирующий опыт подвига и свидетельства о Христе в пространство культуры. Подчеркивается, что для русской культуры особенно важен процесс формирования культурной формы подвижничества, который берет свои истоки в раннем христианстве и придает религиозный смысл национальной идее, способствует становлению ментальности русской культуры, выявляя в ней такие интенции, как направленность к экзистенциальному пределу, к постижению границы иного, к подвигу как акту преодоления. Подвиг осмысливается как символическая форма, соотносящаяся с конечными условиями существования.

Приводятся результаты этимологического анализа как способа выявления внутренней формы понятия и материала для изучения происхождения юродства. Отмечается, что появление термина «salos», в котором выражается христианское понимание юродства, относится еще к I веку н.э. Этимологический анализ позволяет расширить пространство смысловых значений, которые составляют содержание феномена и его проявления в культуре: предельный, парадоксальный, гротескный до протестного и скандального характер проявления феномена в культуре. Сфера значений термина простирается от разговорно-бытовой (бранных, ругательных форм) до религиозной и сакральной. Впоследствии за словом «salos» закрепилось значение христианского термина добровольного самоуничтожения. Сравнительный словарно-этимологический и семантический анализ словоформ, имеющих значение юродства в языках семитского региона, показывает наличие двух направлений (векторов) развития данного значения. Контекстный метод позволяет определить культурный контекст развития данных значений юродства. Первое направление связано со значением подвижник — «монах», «монашествующий», «μοναχó» (монах), означающее 'одинокий'. Тогда как второе направление связано с семантическими полями понятия «охотник» и лежит в области значений духовной брани — от уловления душ человеческих до уловления грехов, демонических существей. Греческое «salos» переводится в русских агиографических текстах как «буй» с коннотативными значениями «буйный, дерзкий, пограничный» («буево» — погост, кладбище). С XIII в. в переводах употребляются словоформы «похаб» (глупый, бесстыдный) и «оурод» (безумный, глупый, калека), «оуродивый». Делается вывод о том, что в контексте русской традиции используемые словоформы акцентируют в феномене юродства такие смыслы, как «пограничность», «между жизнью и смертью», «маргинальность», «выход за пределы нормы», сохраняя общехристианскую семантику добровольного самоуничтожения и мнимого безумия.

Рассматривается вопрос о сущности феномена, которая проявляется в опыте подвижника, опыте границы, предельном опыте. Таким образом, христианский подвиг понимается как духовное делание, процесс, духовная практика. Особое значение приобретают покаянные стратегии, которые выводят подвижника на границу иного, к изменению своей энергийной

природы. В подвиге достигается аутотрансформация. Подвиг и подвижничество рассматривается как культурная модель и как феномен, репрезентированный в текстах культуры. В этой связи можно говорить, что смыслы подвига и смирения, любви к ближнему и терпения, составляющие содержание феномена юродства, становятся ментальными смыслами. Социальное и религиозное соединяются в культурной модели подвижничества в связи с особенностями русского культурного сознания Средних веков как православного.

Во втором параграфе «Генезис и развитие юродства в православной культуре: источниковедческий аспект» рассматривается вопрос о сведениях исторических источников о юродстве в период раннего христианства и репрезентации юродства в текстах русской средневековой книжной культуры. В исследовании на материале нарративных источников как текстов культуры определяется сущность и генезис феномена юродства и его утверждение в русской культуре. Отмечается, что явление юродства претерпело различные этапы развития от существования феномена (праюродства) в языческой среде (что связано более всего с ритуально-обрядовыми танатологическими комплексами и архетипическими моделями антиповедения) до юродства ветхозаветного и греческого. Описание юродоподобного поведения мы встречаем в Ветхом Завете в книгах Иова, Товита, пророка Ионы, Иеремии. Для рассмотрения феномена юродства с содержательной стороны исследование обращается к Священному Писанию и формулировке «юродивый Христа ради». Делается акцент на регионе зарождения юродства, а именно христианской среде Египта и Сирии. Юродство понимается в культуре региона как способ упразднения собственной воли и достигает своего апогея в смирении себя не только перед аввой, но и перед всяким человеком. Возникнув в Египте и Сирии, юродство постепенно распространяется далее в Малую Азию. В Византии оно достигает своего расцвета, и к VI в. перестает ограничиваться монастырской средой. Наиболее были известны имена юродивых: Исидоры Тавенской, Серапиона Синдонита, Виссариона Египтянина, палестинского монаха Симеона, Фомы Келесирского и Андрея Цареградского. Почитание последнего было широко распространено на Руси, и его Житие было многим известно. Говоря о репрезентации юродства в текстах русской книжной культуры, надо отметить летописание, в котором зафиксированы первые сведения о «оуродстве» («юродстве») как типе религиозного поведения, исходя из того, что запечатление в исторической памяти сведений о событиях начального периода Русского государства X–XI вв. — это важный этап становления русской культуры, основанный на характерном и отраженном в летописях целостном отношении к личной и всеобщей истории.

Макроисторическим сюжетом является сюжет о разговоре княгини Ольги со своим сыном Святославом о вере христианской, где впервые фиксируется словоформа «юродство». При этом надо отметить, что репрезентация феномена рассматривается и в контексте становления

русского государства, в политическом дискурсе, и в контексте становлений представлений о святости, то есть в аксиологическом дискурсе. «Малая история» первых подвижников русских представлена в «Сказании о черноризцах печерских», в рассказах о подвижниках, вошедших в летописный нарратив «Повести временных лет».

Известно, что раннее юродство домонгольского периода представлено двумя именами — Исаакия Печерского и Авраамия Смоленского — и двумя текстами, повествующими о жизни подвижников и периоде принятия ими юродства, которое носило временный, эпизодический характер. «Киево-Печерский патерик», в Слове 36 повествующий о юродстве Исаакия, и «Житие Авраамия Смоленского» — это тексты, которые мы можем рассматривать как источник сведений о начальном юродстве и его месте в русской культуре домонгольского периода. И если патериковое слово хранит информацию о юродстве, выражающемся в безумном, но повседневном поведении Исаакия и относящемся к так называемому поведенческому юродству, то Житие Авраамия повествует о юродстве как духовной практике мнимого безумия.

Отмечается, что второй период в истории русского юродства ознаменован не только увеличением количества агиографических и исторических текстов, но и канонизацией юродивых, которая имела место в XIV–XVI вв. Указывается, что в решениях соборов 1666–1667 гг. предлагалось различать совершающих подвиг юродства. Книжные тексты стали привлекать внимание как источники для изучения культурно-религиозного феномена юродства в начале XIX в. В XX в. работа с этими источниками была продолжена, что нашло отражение в трудах таких авторов, как о. Алексей (Кузнецов), о. Иоанн (Кологривов), Г. Федотов и др., в том числе и для осмысления феномена юродства, определения и формулирования его дефиниций.

Вторая глава «Топика и мотивная структура житий юродивых как формы репрезентации феномена в православной культуре» посвящена изучению топики юродства и мотивов, составляющих ее содержание. Топика понимается как организация репрезентации смысла. Мы трактуем топос как более широкое понятие чем мотив, точнее — как семантическую «рамку», типичную ситуацию, в которой является нам феномен. Содержание топоса в каждом конкретном тексте составляет система мотивов, которые складываются в эту типичную ситуацию. Феномен «юродство» понимается как то, что существует и репрезентуется в сопряженном с ним топосе, он одновременно является единицей смысла, который не только мыслится, но и переживается. Мотивы жизни и смерти, греха и добродетели составляют смысловое пространство православного подвига и сохраняются в культурной памяти, представляя ментально закрепленные конструкты.

В параграфе первом «Эсхатологическая топка юродства в переводных житиях XI–XIII вв.» непосредственным материалом для исследования служат переводные тексты житий византийского периода — «Жития св. Нифонта», «Жития Андрея Цареградского», «Жития Василия

Нового». Выбор материала обусловлен влиянием представленных текстов на формирование и развитие русской агиографической традиции, культурной парадигмы православного подвижничества и самого феномена юродства. В параграфе представлен анализ топика юродства, а именно топос духовной брани в «Житии Св. Нифонта», топос жертвы и видения в «Житии Василия Нового», топос «Imitatio Cristi» в «Житии Андрея Цареградского» и рецепция эсхатологической топика житий юродивых в русской культуре.

В «Житии св. Нифонта» представлена яркая картина духовной борьбы. Один из основных топосов, в котором реализуется основной эсхатологический идейный комплекс конца света, страшного суда и загробной жизни — топос духовной брани. Исследование культурного контекста формирования топоса духовной брани проводится в психоаналитическом, мифологическом и символическом дискурсе. Это испытание мнимым безумием, насланное на Нифонта «бесами» и длившееся четыре года. Установлено, что становление юродивого проходит несколько этапов. В начале испытания следуют лишь угрозы наказания «полным безумием», здесь характерен глубокий страх героя перед подобным испытанием. Затем наказание исполнено, следует четырехлетняя полоса мрака душевного, здесь впервые в тексте появляется понятие «юродивость», «был яко юрод». На третьем этапе за подвиг мнимого безумия вознагражденный Христом Нифонт обретает дар провидения. Впервые в исследовании феномена юродства установлен тип юродства «в наказание» от бесов за противное христианским нормам поведение.

В «Житии Василия Нового» представлен топос жертвы. Образ жертвы, соединяющийся в своей конструкции с образом безумия, в противопоставлении раскрывает идею безумия христианского распятия и униженности ложного разума этого мира. В видении Феодоры раскрываются мотивы «иноного», мотивы загробного мира и загробной жизни. В житиях юродивых загробный мир скрыт от чувственного и рационального восприятия, а потому опыт немногих избранных, которые прикоснулись к его тайнам, выходит за пределы обыденного. Таким образом, топосы жертвы и видения имеют лиминальный характер, инициационный для подвижника, представляющий жизненный сценарий последнего и точки максимального напряжения в нем, а именно сверхдолжный опыт.

В «Житии Андрея Цареградского» раскрывается непосредственно механизм культурного функционирования юродства в приемах скандала, провокации, шутовства. Характер этих мотивов в Житии демонстративен и уничижителен: это надрыв, аффект и гротеск. И если содержание топоса в результате неустойчиво, крайне энергично, биполярно (то деструктивно, то созидательно), то образ юродивого, сообщаящий топосу аккумулятивность, особую сакральную энергию, обеспечивает устойчивость самого топоса.

В целом, данные византийские тексты представляют образец топика юродства, которая нашла свое дальнейшее развитие в русских житиях юродивых — св. Прокопия Устюжского, Прокопия Вятского, Иоанна Самсоновича Сольвычегодского, Андрея Тотемского, Иоанна Московского.

Исследование подтверждает, что житийный текст передает эсхатологический характер опыта подвижника. В пространство эсхатологических значений входят покаянные смыслы, память смертная и надежда. Личная надежда тесно связана с надеждой другого и оказывается результатом перевода житийного топоса в социально-культурную сферу. Так формируется культурная тематическая топика юродства, топосы покаяния и духовной брани, в которых репрезентуется феномен юродства. Одними из ключевых элементов топики являются апокалиптические мотивы, в которых раскрывается сущностное бытийное значение подвига юродства, а именно вхождение в пространство греха и взаимодействие с онтологией смерти.

Параграф второй ««Житие преподобного Авраамия Смоленского» как источник сведений о начальном опыте русского юродства» посвящен исследованию примера утверждения в русской культуре феномена юродства, которым может служить «Житие Авраамия Смоленского», относящееся к начальному периоду в истории русского Средневековья. Утверждается вариант понимания юродства как феномена православного, и потому национально-русского, который в русской культуре получает множество в том числе секулярных форм выражения.

Основная тема жития Авраамия Смоленского — тема страсотерпчества, в которой обозначаются культурные смыслы святости и уподобления Христу. Историко-этимологический анализ позволяет выявить основу понятия — это память как терпение страдания, пафос мученичества. Таким образом, семантическое ядро, смысл подвига юродства Авраамия — это память, в частности, память смертная как свидетельство и терпение. Мотивная структура, составляющая смысловое пространство топоса юродства в «Житии Авраамия Смоленского», включает в себя комплекс тесно связанных между собой, кенотических (стигматизационных) и эсхатологических мотивов. Мотив «худых риз» в тексте жития становится репрезентацией феномена в контексте темы уничижения подвижника. Мотив также сопряжен с идеей спасения и репрезентирует группу аскетических смыслов феномена юродства, которые мы можем определить в культуре как смыслы духовного труда и сакрального. В тексте жития мы наблюдаем, как происходит соотнесенность танатологических мотивов и мотивов перемены риз. Еще один мотив, раскрывающий содержание как жития, так и подвига юродства, принятого Авраамием, мотив света. Возможным становится толкование подвига Авраамия в дискурсе света, «просвѣтившагося въ терпѣньи мнозе», то есть в терпении, ведущем к свету, сеяния как внешнего, так и внутреннего. Особое место в репрезентации феномена юродства имеет внешний вид Авраамия, давая таким образом представление о телесности юродивого. Мотивы телесности в подвиге аскезы становятся семиотическим выражением идеи духовного спасения в уподоблении и смысловым содержанием топоса подражания юродивому, телесные характеристики — нагота и изможденность — становятся знаками испытания в подвиге. Христианская культура рассматривает аскезу, которая в своем крайнем

выражении есть смерть и воскресение, как культурную модель, имеющую цель преобразования мира.

В исследовании подчеркивается, что создание текста Жития относится к тому историческому периоду, когда во всех сферах творчества на смену освоению культурных форм пришло усвоение и создание собственно русских форм, а в темпорологически-телесном дискурсе Жития нашли отражения те мотивы, которые актуализируются именно в русской культуре — тело юродивого становится формой, определяющей границы, область маргинального и инаковость, неотмирность. В тексте жития отражается картина мира, созданная христианской культурой, когда временное показывается в аспекте вечного и происходит соприкосновение локальной истории с историей священной, движение к подвигу рассматривается как условие достижения вечной жизни, духовного спасения и святости. Центральными образами в житии Авраамия Смоленского становятся библейские образы Страшного Суда, Второго Пришествия и огненной реки, передающие картины видений подвижника. Библейский вектор является одной из устойчивых сюжетных линий агиографического текста. Семиотическая плотность мотивов представлена тематическими рядами памяти и надежды, смерти и жизни вечной. Исследование рассматривает «Житие Авраамия Смоленского» в контексте исследований древнерусской культуры и обращает внимание на то, что в середине XX в. был поставлен вопрос о роли «Жития Авраамия Смоленского» и самой фигуры преподобного Авраамия в русской культуре. В трудах Г. Федотова предпринимается исследование «Слова о небесных силах», части, повествующей о воздушных мытарствах, в основе которого Видение Феодоры из «Жития Василия Нового». По мнению исследователя, влияние этого произведения на Авраамия было велико, так как в образе Василия Нового перед древнерусским читателем представал образ юродивого. «Житие Василия Нового» — одно из первых переводных житий юродивых, представляющее тип юродивого безымянного, бездомного. Эти параллели актуализируют изначальную связь смыслов таких религиозных феноменов, как монашество, мученичество и юродство, о чем мы писали в первой главе. Цель юродского поведения сосредоточена на духовных исканиях и проповеди, что переводит феномен в область социально-культурного бытия.

Третья глава «Репрезентация и воспроизведение феномена юродства в топике православной культуры» посвящена исследованию форм репрезентации и воспроизведения феномена юродства в русской православной культуре. Исходный тезис исследования говорит о феномене юродства как форме религиозного поведения и типе христианского подвижничества, исторически связанными с процессом самоопределения русской культуры в ранний период ее истории, одним из культуuroобразующих ее элементов. В материалах третьей главы прослеживаются механизмы перевода религиозного феномена в социокультурное пространство и определяется мотивная структура,

составляющая содержание культурного феномена юродства, выявляются формы его воспроизведения в русской культуре.

В первом параграфе «Механизмы воспроизведения и трансформации смыслов в культуре» исследуется смысловая переработка культурных форм на примере коммеморативных практик юродства Русского Севера. Культурная переработка, которой в процессе развития культуры подвержены идеи, смыслы, существует в виде двух стратегий, двух типов операций: воспроизведения культурных форм: повтор как таковой и повтор с изменениями, реинтерпретация. Первая — обеспечивает устойчивость культуры, вторая — предполагает ее обновление.

Процесс переработки культурных смыслов похоронной обрядности, отражающей погребальные практики в славянской традиционной культуре, исследуется на материале житийных текстов об Афанасии Наволоцком Шенкурском, Прокопии Устьянском, Кирилле Вельском, Иакове Боровичском, Иоанне и Логгине Яренгских, Артемии Веркольском, Варлааме Важском, основанием нарратива которых является изменение сюжета о «безземельной смерти» в контексте христианской традиции. Переосмысление практики безземельных захоронений в христианском дискурсе, поиск и захоронение погибших зимой и замерзших по пути, восстановление кладбищ, ингумация, повторное захоронение по религиозному обету, строительство монастырей на месте древних обрядовых комплексов становились формой как культурных изменений, так и коллективной памяти. Перформативные свойства процессов культурных изменений не противоречили процессам культурной трансляции: языческое безземельное погребение — традиция заложенных покойников в христианскую эпоху — формирование нового типа житийного героя-праведника в позднем Средневековье. В процессе культурного преобразования под влиянием христианизации выстраивается новая христианская аксиология: смерть становится не естественным, неизбежным событием, что свойственно языческому сознанию, но преодолевается надеждой на спасение в «жизни будущего века» и обязывает к оценке собственных мыслей и поступков, к покаянию. Культурная переработка смыслов находит отражение не только в коммеморативных практиках, но и в паттернах поведения, включенных в культурный феномен юродства.

Также в параграфе рассматривается проблема трансформации семантики стигматизации в образе юродивого. Отмечается, что в наготы, в голоде и претерпевании страданий аскеза проявляется как аффективное состояние. Так одновременно аскетическое тело становится символом христианского кенозиса и происходит его стигматизация, выражающаяся в нанесении стигмы — знака отвержения. Мотивы добровольного изгнания и пограничности в культурном феномене юродства являются результатом переосмысления в процессе формирования феномена. В коммуникации с юродивым внешний вид юрода становится знаком смиренной жертвы, говорит о покаянии. Мнимое безумие выводит юродивого подвижника в иной событийный и темпорологический ряд, коммуникативный контакт с

юродивым запускает в человеке комплекс религиозных переживаний. Реакции на встречу с юродом позволяют говорить о двойственности стигматизации. Показывая знаки «испорченности», «порчи», собственной испорченной идентичности, юродивый провоцирует окружающих на продолжение нанесения стигм в попытке управления этой идентичностью. В современной социокультурной ситуации в связи со стигматизацией юрода встает вопрос о десакрализации, которая происходит в зависимости от нарастания энергии социальной стигматизации и изоляции.

Таким образом, мы можем говорить об историческом процессе культурной смысловой переработки как механизме формирования социально-культурных мотивов, являющихся содержанием топоса подражания юродивому уже как формы репрезентации культурно-религиозного феномена. Юродство в своем феноменальном выражении фиксируется в культурных формах и аккумулирует смысловое содержание в отыменном топосе.

Второй параграф «Мотивная структура феномена юродства в русской культуре» посвящен мотивному комплексу: мотиву памяти смертной как смысловому ядру культурного феномена юродства и мотиву уличения как культурному образцу. Мотив понимается как соотносимый с феноменальным переживанием, имеющим именно его в качестве основания, с другой стороны, отходящий от него в рамках мотивной сферы. Мотив есть результат особого способа видения мира, грань кристалла, тончайшая оптика, которая рождается в процессах перцепции «Я». Анализ житийных текстов, основных источников материала о юродстве, позволяет определить ведущий мотив в структуре подвига юродивого — это мотив смерти и памяти смертной. Мотив раскрывается в параллельных дискурсах сакрального и мирского начала. Содержание понятия смерти в подвиге претерпевает наполнение энергией и семантически расширяется. Объединяет два начала идея жертвы. Именно в пространстве от мирской жертвенности как поведенческой характеристики до искупления крестной жертвой Христа развернется процесс преобразования памяти о смерти в стратегию памяти смертной. Память смертная — основная смысловая доминанта православного подвига в целом и юродства в частности — является одной из стратегий предельных состояний. В данном параграфе делается попытка ответить на вопрос о путях формирования в творчестве подвига юродства покаянных смыслов, а именно памяти смертной, как смыслового пространства, в котором раскрываются сотериологические мотивы. На материале агиографии и меморатов простраиваются этапы формирования памяти смертной в подвиге юродства, которыми становятся отказ от дома, семьи, имени — этапы стигматизации и предельной аскезы. Встреча с юродивым как со-бытие и со-причастность создает условия для глубинных личностных изменений субъектов коммуникации. Утверждается цель механизма памятования, которой является покаяние, память о грехах.

Изучение репрезентации феномена юродства в русской культуре свидетельствует о том, что юродство как духовная практика мнимого

безумия не получило развитие в русской культуре. Русская культурная почва дала ментальную энергию другому варианту юродства, а именно юродству, целью которого стала проповедь покаяния путем гротескного, абсурдного поведения в миру, в социальном бытии.

Характерное в отношении окружающих к юродствующему — это унижение и поношение. Одним из мотивов становится уличение юродивого, своего рода проверка, испытание, которое дает возможность понять и поверить в подвиг. Прием уличения известен в культуре как прием бытового нормирования, внеличностный по характеру. Механизмы уличения, как показывают антропологические исследования, хранятся в архетипической памяти. Так уличение становится основным способом отношения юродивого с миром — механизмом взаимодействия, основной функцией которого является выявление греха. Структура мотива уличения отражает этапы становления подвижника. В ходе житийного повествования первым уличает будущего юрода сам Господь — например, указывает на человека в раннем детстве. Окружающие уличают юродивого всерьез, со всей силой сопротивления, которую дает страх и пробужденное подсознание. Мир уличает человека, на чью долю выпадает подвиг юродства, с начала жизни. Центральный момент в пути юродивого — откровение людям о нем и признание, которое носит характер «разрешения», снятия табуированности. С этого момента уличение меняет вектор, функция уличения переходит к юродивому. Вслед за признанием святости юродивого церковный иерарх обличает окружающих в непонимании, жестокосердии, гонении, поношении. В ответ уличенные каются в злобе сердца, сокрушаются и винятся. Можно сказать, что уличение — это поведенческий паттерн, целью которого является доказательство ложности, обманного поведения субъекта коммуникации. Впоследствии уличение юродивого как прием окажется способным встраиваться в различные системы коммуникации вплоть до современных культурных форм (литература, кино, медиа) и, моделируя в русской культуре механизмы воздействия, станет устойчивым способом нравственной оценки, обращенной вне текста.

Мотивы памяти смертной и уличения становятся основными формами репрезентации культурно-религиозного феномена юродства, при этом проявление феномена происходит в пространстве широкого характерологического спектра, носящего провокационный характер. В дальнейшем активация функции юродивого как обличающей и уличающей связана с механизмом памятования. Опыт подвига юродивого фиксируется в культурном коде. Активизация кода происходит в коммуникации, в пространстве отношений сопереживания и со-причастия. Можно сказать, что в смысловом пространстве подвига сформировалась особая характерологическая топика, отражающая тематическое содержание топоса юродства. Сегодня мы говорим, что подражание юродивому — это социально-культурный топос.

Заключение диссертации содержит выводы, полученные в ходе разработки поставленной проблемы, и подводит итоги диссертационного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги и определяя перспективы развития темы, необходимо отметить важность исследования онтологических оснований юродства, в которых мы выделяем следующие моменты: онтологическое восхождение подвижника характеризуется очищением души от всего мирского через полное мироотречение, что является основной характеристикой юродства. Понятие смирения претерпевает смысловое и контекстное расширение: от уничиженности и нищеты до онтологической наготы и ничтожества, открывая таким образом понимание перспективы бытийного возрастания человека. В осмыслении онтологии юродства возникает также понятие об обратной перспективе как бытийном механизме, реализующемся в подвиге.

Говоря о аспектах смыслового поля культурно-религиозного феномена юродства, можно отметить, что:

– В образе юродивого сочетаются две коррелятивные «совершенному человеку» культурные категории — избранные и праведники, объединяя таким образом семантические ряды как ветхозаветных, так и новозаветных аллюзий.

– Уподобление Христу является одним из основных предназначений юродства, достигаемых различными путями. В культурном сознании периода раннего христианства юродивые становились рядом с мучениками и страстотерпцами. Христоцентричность православной культуры в целом обеспечивает считываемость и трансляцию через устойчивые мотивы смыслового содержания юродства и как культурного феномена, и как социально-культурного паттерна поведения.

– Юродство имеет дидактический характер — это проповедь, акт социальной интеракции, актуальной презентации «бытия» человека, раскрываемого перед лицом другого человека. Пафос проповеди юродства актуализирует в сознании человека мотив памяти смертной, составляющий семантическое ядро феномена.

– Юродство как вид подвижничества имеет доктринальный характер, выражающий идею спасения. Юродство как подвиг направлено не только на личное спасение подвижника, но и на спасение ближних и проявляется как культурный феномен, свойства и смысловое содержание которого сформированы христианской культурой. Истоки понимания спасения не только как личного подвига, но как совместного спасения, составляют ценностную и смысловую базу русской православной культуры.

Основные положения, выносимые на защиту, отражены в следующих публикациях автора:

**Статьи в рецензируемых научных журналах,
входящих в Перечень ВАК РФ:**

1. Гаевская Н.З. Сведения агиографических источников о ресайклинге дохристианских погребальных практик // Общество. Среда. Развитие. – 2024. – № 4. – С. 74–80.
2. Гаевская Н.З. Иконография блаженной Пелагии Дивеевской как визуальный источник сведений о культурном феномене юродства // Культурное наследие России. – 2024. – № 4. – С. 57–67.
3. Гаевская Н.З. Проблемы становления феномена религиозного подвижничества в русской культуре // Мир русскоговорящих стран. – 2025. – № 2. – С. 155–167.

Научные статьи в других изданиях:

1. Гаевская Н.З. Феномен юродства. Механизмы культурного функционирования // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 6 (26). – С. 273–277.
2. Гаевская Н.З. Культурная функция юродства // Вестник РХГА. – 2013. – Т. 14, № 1. – С. 198–205.
3. Гаевская Н.З. К вопросу о происхождении термина «Salos» // Homo loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира: Сборник материалов докладов и сообщений / Отв. ред. О.Г. Оленчук. – Санкт-Петербург: РХГА, 2018. – С. 48–52.
4. Гаевская Н.З. Когнитивное религиозоведение. Перспективы философского и теологического дискурса // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 1 (40). – С. 204–212.
5. Гаевская Н.З. Уличение юродивого как мотив // Швейцарские тетради: Сборник статей. Вып. 11. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. – С. 88–95.
6. Гаевская Н.З. Топология религиозного: текст, память, пространство // Визуальная теология. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 58–66. (Scopus)
7. Гаевская Н.З. Проблема табуированной достоверности: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 497–500.
8. Гаевская Н.З. Тема юродства и мотив уличения в поэтике Ф.М. Достоевского // XXI Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге: сборник докладов и сообщений. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 17–22.